

Об этом лучше не знать!

ЗА ЧТО ОНИ
НЕНАВИДЯТ
СТАЛИНА

Об этом лучше не знать!

**За что они
ненавидят
СТАЛИНА**

**«ПРОФЕССИОНАЛ»
Москва 2010**

ББК 63.3(2)12

З 4

34 За что они ненавидят Сталина.– М.: «Профессионал», 2010. – 32 с.

ISBN 978-5-901838-68-6

© «Профессионал», 2010

21 декабря 2009 года исполнилось 130 лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Это событие, скажем прямо, не слишком широко освещалось российскими СМИ (телевидение, газеты), подконтрольными сегодняшней государственной власти. Но и совсем уж "замолчать" тему было бы неудобно. Все-таки имя Сталина не просто популярно в народе, а любимо, и в кризисном 2009-м звучало часто - возможно, как никогда прежде в современной России. "Отличилось", как обычно и бывает в таких случаях, когда и смолчать нельзя и государственные каналы задействовать (а значит, обозначить официальную точку зрения) неприемлемо, "независимое телевидение. Телезрителям было представлено ток-шоу с интригующим названием "Сталин с вами?" В течение нескольких дней до передачи она навязчиво рекламировалась, что свидетельствовало о желании привлечь внимание как можно большего количества телезрителей и представить ее как нечто грандиозное, событийное. Что же мы увидели? Вели ток-шоу популярные телеведущие, в том числе Парфенов, давненько не привлекавшийся к политическим программам, приглашены были Зюганов и Квачков (понятно, что эта сторона - стали-

нисты), модная Канделаки (как-никак, грузинских кровей), чья популярность в определенной среде и членство в Общественной палате вроде бы причисляют ее к элите российского общества. В передаче принимала участие то ли внучка, то ли правнучка Сталина. Впрочем, ее роль (не ее в том вина) - быть декорацией в спектакле. Естественно, были в студии гости-зрители-участники, как всегда грамотно подобранные, чтобы, с одной стороны, убедить зрителя у экранов в "разношерстности" аудитории, а с другой - добиться главной цели устроенного шоу. А цель определилась, по сути, сразу, когда в самом начале было объявлено, что на вопрос "Сталин с вами?", вынесенный в название передачи, зрители по ее окончании ответят нажатием соответствующей кнопки - либо "да", либо "нет". Провокационность такой постановки вопроса очевидна, поскольку подразумевает следующее: честный человек, даже человек, симпатизирующий Сталину, считающий его величайшим государственным деятелем в истории России, положительно оценивающий его деятельность на посту руководителя страны, не может дать утвердительный ответ (не может пойти против своей совести и солгать), потому что не его это была эпоха и не его жизнь и не был он участником тех великих и героических свершений. Расчет устроителей шоу, как всегда безошибочный, на честность и порядочность русских людей. А те 1-2 % современников Сталина, для которых имя Вождя навсегда в их сердцах, - необходимое условие создания у телезрителя иллюзии честности и объективности интерактивного голосования. Итак, сидевшие у экранов (мы с вами) должны были убедиться в том, насколько мало наших совре-

менников живут со Сталиным в душе. А отсюда логичный вроде бы вывод - подавляющее большинство нынешнего населения России или относится равнодушно, или не одобряет сталинское прошлое страны. В этом, собственно, и состояла главная цель передачи, посвященной, напомним, 130-летию со дня рождения Сталина.

Какова цель - таковы и средства. "Режиссеры" покопались в грязном белье - личная жизнь у Вождя не удалась, с детьми не повезло: Якова, сына от первого брака, не любил, Василий вырос гулякой и шалопаем, Светлана, любимая дочь, фактически предала отца, сбежав после его кончины на Запад и сочинив "антисталинские" мемуары. И во всем виноват отец - грубый и невнимательный к жене и детям. Понимали ли создатели этого шоу, что мерзость совершают? Безусловно. Не глупые ведь люди. Но как-то же надо было убедить аудиторию, что не обладал Сталин теми человеческими качествами, за которые должно любить и уважать. Что клич этот - "За Родину! За Сталина!", - с которым во время Великой Отечественной бойцы Советской Армии шли на врага, вызван не искренним душевным порывом, а извращением в сознании людей, подвергнутых массовой обработке в тоталитарном государстве. Как же им хотелось это доказать! Вот ведущий подходит к убеленной сединой, с невероятным количеством медалей и орденов старой женщине - ветерану войны: "Вы что, действительно думали о Сталине, когда шли в бой!?" Искренний ответ - "да, так и было" - просто так изменил до того улыбающееся лицо спрашивавшего. Бог ты мой, какое презрение к этой женщине читалось на нем! И какая ненависть к Сталину, че-

ловеку, с именем которого умирали на войне простые русские люди! Эта телепередача, мерзкая и подлая по своей сути, натолкнула на размышления. За что же они, все эти познеры, сванидзе, парфеновы и иже с ними так ненавидят Сталина? Им то что? Ведь большинство из них (подавляющее) не имеет никакого отношения к той эпохе (слишком молоды), ни каким боком не коснулись их так называемые ими политические репрессии конца 30-х годов прошлого века. Даже если кто-то и пострадал из их родственников в те далекие времена, не верится в то, что в этом кроется причина такой лютой ненависти. Так же, как и в то, что занозой в их сердцах остались судьбы несправедливо осужденных в те грозные времена сталинской чистки. Не похоже, что в этом причина. Тогда в чем?

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин - неистовые революционеры, уничтожители русского народа, не скрывавшие своего презрительного отношения ко всему русскому, реальные кровавые диктаторы - не вызывают ненависти у этих самых познеров, сванидзе, парфеновых. Более того, они практически реабилитированы ими, представлены жертвами. Вполне благопристойными людьми. А вот Сталин...

Чего не может простить Сталину практически вся политическая элита России-СССР даже спустя более полувека после его смерти? За что так его ненавидит? Ответ в общем-то прост: за содеянное. Только под содеянным можно подразумевать как преступление, так и... великие достижения. За что можно ненавидеть человека? К сожалению, великий, сильный, благородный (успешный) чело-

век очень часто (и очень сильно!) вызывает у окружающих его "пигмеев" не восхищение, а именно всепоглощающую боязнь и... ненависть! Он смог, мы не можем! Так давайте докажем (покажем), что все его успехи, победы, достижения оплачены кровью, жизнями, трагедиями миллионов ни в чем не повинных людей, превращенных жесточайшим репрессивным аппаратом в бесправных и безмолвных рабов. Давайте покажем несоизмеримость между достижениями и ценой этих достижений. И тогда от величия Вождя не останется и следа! Зато останется память о "культе личности", "политических репрессиях", "насильственной коллективизации крестьянства", "непомерной цене Великой Победы" и т.д. и т.п.

Не будем останавливаться на разоблачении всех этих мифов о Сталине и сталинской эпохе - честные и непредвзятые историки (В.В. Кожин, например) сделали это. Достаточно отметить другое: проблема Сталина - это проблема правящей элиты и их прислуги (всех этих "познеров", "сванидзе", "парфеновых"). Решить ее они не могут. Не могут вытравить из сознания все новых и новых поколений уважение (и поклонение) великому человеку, Вождю. Пытаются, но... не могут! Отсюда их злоба и ненависть.

В развитие темы приводим статью Сергея Черняховского в газете "Завтра" (№ 6 (847), февраль 2010 г.). С ней можно ознакомиться через Интернет, но мы посчитали уместным включить ее в брошюру по простой причине: не все пользуются Интернетом, не все читают газету "Завтра" - прочитав же брошюру, надеемся, передадут ее родным, знакомым - всем, кому важно знать правду.

Сергей Черняховский
ПРОБЛЕМА СТАЛИНА

Он сделал, что мог. И пусть кто может - сделает лучше

БЫЛО БЫ НЕТОЧНО и недостаточно сказать, что в современном российском обществе есть и активные противники Сталина, и значительная масса его более или менее осознанных сторонников. Оценка Сталина - тот вопрос, по которому общество не имеет не только согласия, но и просматриваемой перспективы на его обретение. Этот факт свидетельствует как о значительности самой фигуры, так и о том, что даже мертвым Сталин продолжает "жить своей жизнью" - ему удалось устоять под ударами обличений и разоблачений.

Следует констатировать два очевидных факта.

Первый. Как только информационные и пропагандистские атаки на Сталина затихают: то ли от усталости его противников, то ли оттого, что им начинает казаться, будто победа над его "культом" одержана, то ли оттого, что сама тема

просто приедается обществу, - положительное отношение к этой фигуре и её почитание начинают снова усиливаться.

Противникам Сталина путем пропагандистского давления время от времени удается ослабить такое почитание. Но, с одной стороны, есть некая черта, ниже которой его популярность не опускается, а с другой - как только давление прекращается или снижается, рейтинг общественной притягательности образа снова растет.

Второй. В целом положительные оценки Сталина в большей степени свойственны представителям старших возрастных групп, нежели молодых. Это кажется естественным: предполагается, что старшие-де привыкли к оценкам того времени - и в силу консерватизма не хотят от них отказываться, тогда как молодые свободны от стереотипов прошлого и расположены к отрицательным, разоблачительным оценкам этой личности.

Однако привычный шаблон лишь затушевывает реальный парадоксальный вывод. Получается, что положительно Сталина характеризуют в первую очередь те, которые успели пожить при нем, были очевидцами его политики, испытали её на себе и на своей жизни. А отрицательно - те, которые не были очевидцами тех событий и отталкиваются от опосредованной информации и предвзятых трактовок.

Выходит, что негативные оценки этой фигуры удержива-

ются лишь постольку, поскольку активно и агрессивно вдав-
ливаются, навязываются общественному сознанию, а по-
зитивные оказываются жизнеспособными и восстанавлива-
ются даже без стимулирования извне. Очевидцы и совре-
менники правления Сталина склонны воспринимать его по-
ложительно, а отрицательные мнения присущи тем, кто не
имеет собственного опыта для непредвзятого суждения.

Можно попытаться объяснить подобную ситуацию тем,
что старшее поколение остается под воздействием пропа-
гандистской обработки сталинской эпохи. То есть в рамках
предположения, что "тогда людям лгали, а потом им сказа-
ли правду". И действительно, есть такие, которые честно
признаются: "Мы верили Сталину. Но XX съезд (XXII съезд,
Солженицын, перестройка, еще что-нибудь) раскрыл нам
глаза - и мы поняли, какой это был ужас и как нас обманыва-
ли!" Однако такая позиция - лишь показатель готовности её
обладателя верить всему, что скажут от имени того или иного
признанного авторитета, - показатель информационной не-
устойчивости, некритичной восприимчивости. И вероят-
ность того, что лгали "до того", а потом сказали правду, ни-
чем не выше вероятности того, что тогда говорили правду,
а потом стали лгать. В значительной степени критерием прав-
ды здесь является скорее то, что люди склонны принимать
на некоем неофициозном уровне, на уровне того, что при-
нято называть стихийной памятью народа.

Иными словами, для внедрения негативных оценок Ста-
лина требуется постоянное пропагандистское давление.

Позитивные же его оценки восстанавливаются стихийно, в том числе на основании свидетельств очевидцев.

Есть официальная пропаганда, и есть стихийная память народа. Они могут совпадать, но могут и расходиться. При этом официальная пропаганда способна менять свою направленность почти мгновенно, а стихийная память более стабильна и инертна, так как основывается на реальном опыте. Когда официальная пропаганда действует в одном направлении со стихийной памятью - результат в целом понятен (хотя и может оборачиваться демонстративно-противоположным). Когда официальная пропаганда направлена против стихийной памяти, такой пропаганде - в силу ее агрессивности, организованности и отсутствия у оппонента возможности адекватно отвечать - на какое-то время удастся подавить последнюю, но лишь отчасти и временно.

Рано или поздно наступает момент, когда эта стихийная память, сжавшись, как пружина, под постоянным давлением пропаганды, начинает распрямляться в обратную сторону.

Наше общество пережило две массированные антисталинские кампании сверху: в конце 50-х-начале 60-х и в годы перестройки. Плюс официальный антикоммунизм 90-х. В результате на сегодня положительное отношение к Сталину характерно примерно для 50% населения страны, отрицательное - примерно для 30%. Эти показатели не абсолютны, они колеблются, но в целом примерно таковы.

В конце октября в телепрограмме "Честный понедельник" на НТВ зрителям было предложено ответить, кем для них является Сталин: преступником, героем или эффективным менеджером. При этом для определенной категории зрителей возможность проголосовать была закрыта. Голосование осуществлялось не по телефону, а смс-сообщениями, не столь распространенными среди старшего поколения, комплиментарно настроенного к Сталину. Однако в итоге положительные оценки явно преобладали над отрицательными (61/39). Преступником Сталина назвали 39%, героем - 54%, а эффективным менеджером - 9%.

Сторонники десталинизации, дважды не сумевшие добиться поставленных задач и зовущие сегодня к новой информационной войне, полагают, что причиной ресталинизации является политика нынешней власти. В этом обвиняют Путина и всю официальную пропаганду, что фактически неверно. Власть в 2000-е годы действительно отказалась от явных атак на Сталина и от игнорирования этой фигуры. Но власть отнюдь не создавала такой тренд - она подстраивалась под него. И подстраивалась именно потому, что поняла: положительный образ Сталина непоколебим, несмотря на все прежние разоблачительные кампании.

Ничего не подстроило! Или просто так? Это же очевидно! Сталин - Путин. Путин т.е. примера имела Сталина

Вот данные ВЦИОМа еще того времени, когда его коллектив составляли сотрудники нынешнего Левада-центра, никак не подверженные симпатиям к Сталину. Если в 1990 году положительные оценки Сталина после нескольких лет массированного психологического и информационного дав-

ления набирали менее 10%, то в ходе 1990-х они уверенно устремились вверх, хотя официальную пропаганду того времени трудно заподозрить в просталинских симпатиях. К 2003 году соотношение положительных и отрицательных оценок составляло 53 против 33. То есть еще раз: нынешняя власть не формировала эту тенденцию - она её только восприняла и в значительной степени ей подчинилась.

Если для живших при Сталине положительные оценки его политики проистекают из личного опыта, то более молодые поколения, не являясь её очевидцами, оказываются свидетелями политики послесталинской. И получается так. Была сталинская политика - известны её результаты и издержки, цена, которой оплачены достигнутые успехи. Причем следы успехов сталинской политики можно наблюдать везде: от сталинских небоскребов до сталинской индустрии, от Знамени Победы и кадров поверженного Рейхстага до географических карт, свидетельствующих, какие тогда у страны были границы и каково было влияние в мире. О цене же можно судить только со слов, причем большей частью от не вполне адекватных личностей.

А теперь осуществляется другая - антисталинская - политика. Успехи она демонстрирует только на словах и в "преодолении проклятого прошлого", а вот издержки - очевидны и значительно более масштабны и катастрофичны.

То есть в одном случае можно увидеть свидетельства успехов и лишь услышать о цене, в другом - налицо цена и

очевидны потери, а об успехах только говорится. Противники Сталина верят, что такая картина - из-за нехватки мемориалов жертвам сталинских репрессий. Но их вряд ли будет больше, чем построенных при Сталине заводов и электростанций. А если даже и получится возвести столько же памятников, то они всё равно окажутся менее убедительными, чем бывшие гиганты индустрии.

Вот если бы на каждый сталинский завод приходилось по постиндустриальному заводу, тогда подобная монументальная пропаганда могла бы показаться убедительной. Пока же: "Было время - и были подвалы, было дело - и цены снижали, и текли куда надо каналы и в конце куда надо впадали..." В подвалах, конечно, теперь по большей части не живут (если не считать дворников-таджиков), но расселить людей хоть в какие-нибудь отдельные квартиры удалось лишь благодаря возможностям той самой индустрии, которую построили при Сталине. А вот снижение цен сегодня выглядит ненаучной фантастикой: они растут всегда и по любому поводу. Цены растут, если растет цена на нефть - и растут, если она падает. Цены растут, если рубль растет по отношению к доллару - и если падает. Каналы не прокладываются, а заводы и электростанции взрываются.

Именно поэтому Сталин в глазах обычных людей выглядит неким символом Великой Победы и всех остальных побед. Не признавать того, что было сделано при Сталине, невозможно. Можно лишь задаваться вопросом: это было сделано благодаря Сталину или вопреки ему? Да и

задумываться о цене, которую пришлось заплатить за сделанное.

Благодаря или вопреки - можно спорить бесконечно. Но если даже вопреки, то как Сталин ни мешал народу добиваться успехов - народ их всё-таки добивался. А при власти антисталинистов народу почему-то вообще ничего не удастся добиться: либо сами антисталинисты мешают куда сильнее, чем мешал Сталин, либо их помощь такова, что вреда от неё намного больше, чем от Сталина.

Вопрос о цене гораздо существеннее. Но и здесь возникают нестыковки.

РАЗОБЛАЧИТЕЛИ репрессий обычно сводят все к обычным эмоциональным описаниям: "Миллионы и миллионы! Маховик террора! Вал страданий! Десятки миллионов! Сорок миллионов! Пятьдесят миллионов! Восемьдесят миллионов!" Нормальный человек ужасается, подавленный неизмеримой мукой страданий неисчислимых жертв. Потом он немного приходит в себя и - если сверяется с реальными историческими свидетельствами - выясняет, что всё было несколько иначе. А именно: за период 1921-53 годы всего были осуждены по политическим статьям 4 миллиона, а к высшей мере приговорены 800 тысяч человек. При этом в 1937-38 годах всего были осуждены 1 344 923 человек, из которых к высшей мере приговорены 681 692 человека. То есть 85% всех расстрелянных приходится именно на эти два

трагических года. Тогда же было вынесено более трети всех прочих приговоров по этим статьям. И всего от этих процессов пострадали менее 2% населения страны.

Причем нужно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, кроме 1937-38 годов, политические репрессии не носили массового характера. А то, что произошло в эти два года, осудило уже само сталинское руководство. Во-вторых, сколько из приговоренных пострадали за реальную - применим современный термин - "антиконституционную деятельность" и сколько из них были невиновными, мы не знаем. Большинство последующих решений о реабилитации выносилось не на основе изучения реальных обстоятельств дела, а по принципу наличия или отсутствия в деле формальных нарушений судопроизводственной процедуры. И это при том, что все эти приговоры выносились в соответствии с известными постановлениями об "упрощенном делопроизводстве". То есть все они могут рассматриваться как проведенные с юридическими нарушениями, а потому вина осужденных формально будет считаться недоказанной. Но по этому "упрощенному делопроизводству" проходили и виновные, и невиновные, отчего на деле виновные не перестают быть реально виновными. Реабилитировали же, как правило, всех подряд, кто попадал под формальный показатель нарушения правил судопроизводства.

И вот когда выясняются показатели в 4 миллиона осужденных и 800 тысяч расстрелянных, те, которые еще минуту назад говорили о "десятках миллионов", напрочь забыва-

ют о сказанном и сразу меняют тему, риторически восклицая: "А это что, мало?" Но если это немало, то зачем нужно было говорить о "десятках миллионов"? Значит, либо человек изначально не знал, о чем, собственно, говорит, либо - что вернее - знал, но лгал, добиваясь большего эмоционального воздействия. В первом случае получается, что говоривший - человек некомпетентный, и его мнение не может рассматриваться как заслуживающее внимания. Во втором - что он человек нечестный. Лжец - чье мнение есть мнение сознательного лжеца, а значит, тем более приниматься во внимание не может.

И люди, которые так говорят - то есть начинают с десятков миллионов уничтоженных, а потом в отношении числа на два порядка меньшего заявляют: "А какая разница, разве это мало?" - именно они видят перед собой не реальные человеческие жизни, не трагедии людей, а всего лишь довод против того, кого они ненавидят - но ненавидят по неким своим, иным, не имеющим отношения к обсуждаемому вопросу причинам.

Четыре миллиона репрессированных (вместе - виновных и невиновных) - это четыре миллиона. И в стране с двухсотмиллионным населением - это два процента. А в этой же стране за 30 лет - заметно меньше двух процентов.

Осенью 2007 года, в преддверии 90-летия Октябрьской революции, ВЦИОМ провел опрос: "Были ли среди ваших родственников погибшие в заключении либо получив-

шие срок в сталинских лагерях?" Тогда утвердительно ответили 16% опрошенных, 57% сказали, что таких не было, а 22% - что таких не знают. Но за прошедшее со сталинской эпохи время каждый человек, в том числе и репрессированный, неизбежно становился за счет разветвления семейных отношений родственником большему числу людей. За 60 лет число родственников каждого из репрессированных увеличилось в два в третьей степени - то есть минимум в восемь раз. Что примерно и дает (при учете того, что не у каждого оставались родственники) примерно 1-2% репрессированных от всего населения в те годы.

ЕСЛИ ЖЕ ЗАДУМАТЬСЯ о том, в каких исторических условиях, в какой обостренной борьбе и противостоянии миллионных масс всё это происходило, то вообще окажется, что тогда удалось обойтись потерями, чуть ли не близкими к минимальным. Особенно если учесть, что число жертв политики власти времен перестройки и 90-х годов действительно во много раз больше количества жертв всех сталинских репрессий. Даже если, как поступают иные ненавистники того периода нашей истории, приплюсовать еще и всех раскулаченных, и все жертвы голодных лет - даже тогда число "необратимых потерь" за 30 лет окажется в разы меньше тех примерно 15 миллионов человек, которые только Россия потеряла за последние два десятилетия.

Однако правда и то, что победы Сталина были оплачены невероятным напряжением сил, большими жертвами, огромной ценой. И 1937 год - это, конечно, страшная трагедия.

Все кажется ясным тем, которые говорят: "Это были враги. Честные коммунисты-революционеры во главе со Сталиным, спасая страну, раздавили фашистскую и контрреволюционную агентуру, и сожалеть здесь не о чем". Всё кажется ясным, если сказать и иначе: "Сумасшедший параноик и тиран Сталин в угоду своему властолюбию уничтожал честных и преданных делу революции коммунистов".

Ни в том, ни в другом утверждении нет собственно трагедии. В первом есть подвиг. Во втором - преступление.

Трагедия появляется, если одни честные коммунисты во главе со Сталиным уничтожали наряду с врагами и других честных коммунистов - кстати, тоже веривших в Сталина. Это куда страшнее. И трагедия здесь - обоюдная. Она - с обеих сторон. Только, чтобы понять её, осознать ужас, разобраться, как это могло произойти, нужно чуть ли не в первую очередь отказаться от криков о преступлениях. И попытаться понять это как трагедию.

Бесспорно, остается вопрос: "Можно ли было меньшей ценой?" Только ответа на него мы сегодня не имеем. Никто из готовых утверждать, что можно было меньшей ценой, не может свои слова подтвердить теми или иными фактами.

Можно утверждать: вина Сталина в том, что он и не попытался провести рывок бескровно. Но Ганди хотел свои задачи решить бескровно - и кончилось это кровавой резней в Индии в конце 1940-х годов. Горбачев намеревался действовать бескровно - когда, кстати, для этого было куда больше оснований и надежд, чем в 1920-30-е годы, - и уж его-то никто не назовет ни героем, ни эффективным менеджером.

Мог или не мог Сталин обойтись меньшей ценой? Мы не знаем. Если бы мы имели примеры решения таких и подобных задач в аналогичных условиях меньшей ценой - можно было бы о чем-то говорить. Мы их не имеем.

Мы знаем другое. Сталин имел конкретные цели. Он сумел их решить. Страны, в которой в такой же срок в схожих условиях были бы решены такие же по масштабу задачи, мы не знаем. Последующие отечественные политики либо не имели подобных по масштабам целей, либо не сумели их решить.

Здесь вообще встает вопрос о критериях оценки политической личности и ее деятельности.

К тому времени, когда Сталин оказался в составе высших руководителей страны, эпоха поставила перед Россией две основные цивилизационные задачи. Первая заключалась в окончании перехода к индустриальной фазе развития, с чем Россия отстала на десятилетия, и создании опорных плац-

дармов постиндустриального производства. Вторая - в создании общества социальной демократии и социального государства. Собственно, эти две задачи и вызвали Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Сталин, так или иначе, обе их решил. Он создал социально-политическую систему, которая на тот момент была и потом длительное время оставалась конкурентной на мировой арене и служила примером для огромного количества людей.

Проблемы у этой системы начались тогда, когда, воспользовавшись, в частности, опытом и достижениями системы, её конкуренты пошли дальше. Встала задача перехода уже в новую эпоху - постиндустриального производства. Одни правители страны не взялись за ее решение, выжимая все, что можно, из старой системы. Другие - не справились и привели страну к катастрофе. *Общие слова,*

болтовня!

Успешен тот, кто решает поставленные историей задачи, а не тот, кто платит меньшую цену, но задачи не решает. Вопрос цены имеет значение - но только на фоне достигнутой цели. Провал задач, поставленных историей, не может быть оправдан стремлением минимизировать потери. Полководец, умеющий побеждать малой кровью, лучше полководца, который платит за победу большими потерями. Но только при одном условии - если победа достигнута. Если же минимизация потерь рассматривается как нечто более важное, чем победа, полководец вместе со своей армией должен, не вступая в бой, сразу сдаваться в плен врагу.

Всё сказанное - почти очевидно. Именно поэтому массовое сознание и стихийная народная память так тянутся к образу Сталина. Однако так же очевидно и то, что известная часть общества относится к нему иначе. В общем политическом плане тут все более или менее ясно. Ясно, что определенные группы ненавидят Сталина в силу естественных идейно-политических разногласий с исповедовавшейся им идеологией и выражавшимися им экономическими интересами. Точно так же ясно, что есть основания не испытывать к нему любви у людей, чьи семьи пострадали от его действий (хотя здесь часто всё бывает не столь однозначно). Однако кроме этих - по-своему понятных - мотивов следует отметить еще один, играющий подчас одну из ведущих ролей.

Дело в том, что Сталин и его политика - это некий концентрат мобилизационности, с одной стороны, и жесткой ответственности - с другой. Утверждавшийся им стиль руководства и политики - это требование работы и постоянного напряжения, соединенного с умением добиваться результата, часто находящегося почти за гранью возможного. Это постоянное напряжение, работа на пределе. Люди той генерации - генерации Революции и Отечественной войны - это люди такого образа жизни, при котором твоя работа - главное, и ты отдаешься ей полностью. И ни от чего не получаешь большего удовольствия, нежели от нее.

Как минимум двум социально-профессиональным группам этот стиль чужд и во многом ненавистен. Во-первых,

бюрократии, рождавшейся в мобилизационной системе, но желавшей наслаждаться властью и полномочиями без отягощения их ответственностью и напряжением. Во-вторых, элитарному мещанству, обывательствующей части интеллигенции, желавшей барской расслабленности и комфорта. Первая группа была творцом и инициатором десталинизации времен XX съезда. Вторая взяла на вооружение этот лозунг уже в борьбе с первой группой как в 60-е годы, так и в перестройку.

Мобилизационный стиль требовал не только постоянного напряжения - он требовал постоянной готовности к подвигу, реальной готовности к героизму, то есть совершению поступков, за которые ты платишь самим собой, но которые служат тому большему, что ты имеешь в себе, нежели твое биологическое существование. Иначе говоря, этот стиль требовал быть и постоянно оставаться человеком, отличие которого от животного в первую очередь в том, что человек имеет нечто, за что он готов умереть, а животное - не имеет. Требовал все время подстегивать самого себя, все время не давать возобладать над собой биологическому, стремящемуся стать хозяином твоей социальной оболочки - и подчинить себе твою интеллектуальную сущность.

Но именно это и было страшно и чуждо носителям иного темперамента - темперамента неги и лени, - постоянно открывающего двери сидящей в человеке обезьяне. Обезьяне, которая либо все время твердит тебе в духе античеловеческой философии Поппера: "Зачем стремиться к луч-

шему - и так сойдет. Ведь, восстав против того или иного несовершенства, ты с неизбежностью подчинишь себя вождю повстанцев". Либо, уступив сопротивлению того человеческого, что она не сможет в тебе подавить, ласково начнет убаюкивать: "Да, ты прав, ситуация плохая. Нельзя так жить дальше - нужно смело бросить вызов несовершенству, отсталости и дикости. Но не спеши - помни о цене. Не плати слишком много за движение вперед - не нужно напрягаться. Нужно придумать систему, при которой ты по-прежнему будешь нежиться в комфорте, но придумаешь такие саморегулирующиеся отношения, которые сами поставят все на свои места. Без напряжений, потрясений, мобилизации и особой ответственности все заработает само собой и само собой двинется к достижению совершенства".

Сталин - или нечто, что можно обозначить этим именем, - представлял стиль и мир Фронттира. Мир движения вперед, мир умения перешагнуть через свои слабости. Мир, где человек с каждой новой победой над обстоятельствами восходит на новую степень своего родового существования. Общество, где познание важнее потребления.

Антисталинизм как некое социально-политическое, но в не меньшей степени и социально-психологическое явление представлял собой мир расслабленности. "Общество ням-ням", где развитие потребления занимает место развития человека. Где биологическое торжествует над социальным и интеллектуальным. Где перепроизводство комфорта рассматривается как практика, способная заместить

дефицит творческого начала. Где съесть - важнее, чем узнать, а потребить - важнее, чем создать.

Между тем развитие человека и его восхождение от едока к исследователю, от потребителя к творцу, по сути, и есть то, что принято называть прогрессом. Однако мир устроен так, что за прогресс нужно платить. За восхождение вообще нужно платить. Волей, напряжением, нервами, материальными ресурсами. Прогресс так или иначе ломает сложившийся и устоявшийся порядок. Для некоторых групп, играющих при нем большую роль и пользующихся большими благами, он более выгоден. Для других - менее, а для многих - невыгоден вообще.

Только выбора нет - либо прогресс движется, либо не движется. Либо вперед, либо назад. Кто не хочет платить за прогресс собственной страны, делает ее сырьем для оплаты прогресса чужой.

Повторю: к началу XX века перед Россией стояли две задачи. Задача прорыва в новое цивилизационное качество и задача создания социального государства. Эти задачи поставили не большевики и не Сталин. Их поставили история и прогресс, что и вызвало революцию. Ленин, большевики, Сталин эти задачи только выразили и поняли, что, не решив их в кратчайшие сроки, страна рискует просто исторически исчезнуть. Сталин их решить сумел - так, как сумел, и за известную цену. Это не значит, что он хорош или что он плох. Это значит, что сумел.

Кто может лучше - пусть покажет. Пока никто не показал - все призывы и попытки десталинизации будут волна за волной разбиваться о подножие его нерукотворного монумента. Они будут раскалывать общество, будут накалять гражданские споры. И будут, кстати, в силу описанного положения вещей поднимать на его защиту новых и новых сторонников. Еще пятнадцать лет десталинизации - и десталинизаторов можно будет показывать в кунсткамере.

Решить проблему Сталина, действительно победить его образ и память о нём можно только одним способом: в схожих обстоятельствах решить более масштабные задачи, нежели решил он, - но с меньшими потерями и меньшей ценой. Всё остальное - ложь и зло.

В заключение - два замечания.

Все знают о военном параде 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве. Но не все знают (об этом СМИ предпочитают не говорить) о том, что единственным представителем советского правительства на этом параде был Иосиф Виссарионович Сталин. Все остальные члены правительства в этот день были на таком же военном параде в далеком и безопасном Куйбышеве. Таким было решение Сталина - оставаться с военными и простыми москвичами, когда враг совсем рядом. Нужно ли говорить, сколь важно было видеть руководителя государства, Вождя, тем ребятам, которые с парада отправлялись на передовую - защищать Москву и свою Родину. Они и сражались - не за Сталина, не за ЦК. Но под несомненным влиянием сталинского Поступка.

А по поводу той самой НТВ-передачи хорошо высказался один из телезрителей: "Смотрел эту гнусную, в очередной раз сделанную на НТВ передачу. Смотрел с Вовкой (сыном), который в конце сказал по поводу передачи и ее ведущих: "Пап, а они ведь на Сталина твякают, потому что они все его боятся. Они твякают, а в глазах у них страх и ужас". Вовке 14 лет, а он все понял!"

ЗА ЧТО ОНИ НЕНАВИДЯТ СТАЛИНА

Издательство «Профессионал».

Москва, ул. Михайлова, д. 4а.

Тел.: 8 (499) 746-82-04

Формат 60x84^{1/16}. Объем 2 печ. л.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1668.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»

610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>

e-mail: pto@gipp.kirov.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISBN 978-5-901838-68-6

9 785901 838686 >

